

АЛЕКСАНДР ИНЕШИН

ДЕТИ ШЕСТОЙ РАСЫ

Пробужденные

Александр Инешин

Дети шестой расы. Пробужденные

«Автор»

2026

Инешин А.

Дети шестой расы. Пробужденные / А. Инешин — «Автор», 2026

2050 год. Человечество задыхается в смоге мегаполисов, синтетических иллюзиях и тотальном цифровом контроле. Те, кто правит миром из тени, уверены: их власть абсолютна. Но у эволюции свои планы. В разных уголках планеты — от нью-йоркских трущоб и сибирской тайги до раскаленных песков Эмиратов — рождаются уникальные дети. Их называют шестой расой. Их эпифиз пробудился, открыв сверхспособности: исцелять смерть, управлять стихиями, читать истинные намерения и слышать голоса самой природы. Для теневого мирового правительства эти дети — угроза нулевого уровня, подлежащая немедленному уничтожению. По их следу уже отправлены безжалостные каратели. Но на защиту нового человечества встает древнее тайное общество «Спасителей», столетиями ждавшее этого часа в затерянном северном монастыре. Глобальная охота началась. Кто победит в жестокой схватке старого и нового миров? Выживут ли «Пробужденные», чтобы стать спасением для гибнущей планеты, или будут навсегда стерты с лица земли?

© Инешин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Инешин

Дети шестой расы. Пробужденные

Глава 1

Год 2050-й не принёс человечеству ни прозрения, ни облегчения. Мир не просто катился в пропасть — он уже давно сорвался и теперь летел в неё, жалко цепляясь за острые выступы собственных пороков. Москва, Париж, Рим, Пекин... Мегаполисы задыхались и медленно умирали.

Задыхался и Нью-Йорк. Небо над городом затянуло тяжёлым, маслянистым смогом, который разъедал лёгкие и оседал на стёклах небоскрёбов противной серой коркой.

В этом хаосе, где человеческая жизнь обесценилась до стоимости патрона или глотка фильтрованной воды, белая стерильная палата родильного отделения на Манхэттене казалась насмешкой. Воздух здесь был кондиционированным, мёртвым. Но в последние полчаса он начал неуловимо меняться. Врач-акушер, уставший мужчина с тёмными кругами под глазами, раздражённо хмурился под медицинской маской. Мониторы жизнеобеспечения у кровати роженицы пицали всё реже. В палате отчётливо запахло озоном — резко, пугающе свежо, как после удара молнии в открытом поле.

Женщина на койке была бледна. Её кожа стала почти прозрачной. Сквозь неё просвечивала паутина синих вен. Тонкие, побелевшие пальцы судорожно комкали простыню. Женщина уже не кричала, а лишь негромко стонала. С каждым едва заметным выдохом она отдавала последние капли тепла, последнюю искру жизненной энергии тому, кто сейчас издал первый, пронзительно чистый крик.

Врач замер, дыхание перехватило. Его пальцы, принимающие младенца, внезапно пробила странная дрожь — словно он голыми руками коснулся оголённого провода с малым током.

Малыш кричал. И с каждым его яростным, жадным вдохом сердце матери замедляло свой ритм. Это не было обычной медицинской патологией, врач чувствовал это. Она уходила в темноту осознанно, добровольно перекачивая свою жизнь в это маленькое тело. Зелёная кривая на мониторе дрогнула в последний раз, пискнула и вытянулась в ровную, непрерывную линию. Врач держал на руках сироту. Мужчина почему-то не мог отвести взгляд от его пронзительных, слишком осмысленных для новорождённого глаз. Казалось, что в этих глазах заключена вся мудрость веков.

Дрожащими руками врач снял с плеча ребёнка биопробу прибором, похожим на пистолет, — клеточный отпечаток для городских биосканеров. Протокол.

Панорамное окно сотого этажа башни Вейл-Корп открывало вид на серый город. Люциус Вейл стоял у стекла, опираясь сухими руками на трость с серебряным набалдашником. В свои восемьдесят он сохранил хищную прямогу осанки. Идеально скроенный костюм сидел на нём как вторая кожа, а в выцветших глазах мерцал холодный, расчётливый ум человека, привыкшего менять карту мира до завтрака.

На краю тяжёлого дубового стола стояла старая фотография в простой рамке: молодой мужчина в полевой куртке, с тем же упрямым взглядом. Пыль с неё Люциус никогда не смахивал — как будто боялся стереть последние следы живого. На запястье старика, когда рука чуть приподняла трость, мелькнул бледный шрам.

Позади, небрежно развалившись в кресле, сидел Эдвард. Тридцатилетний наследник империи лениво покачивал в руке стакан с выдержанным виски.

— Мы должны быть готовы каждую секунду, Эдвард, — не оборачиваясь, произнёс Люциус.

Его голос был тихим, но заполнял собой весь огромный кабинет.

— Они могут появиться где угодно. В этой грязи под нами или в соседнем пентхаусе.

Эдвард раздражённо вздохнул и закатил глаза.

— Снова эти сказки про конец эпохи, дед? Сотни лет наши предки сидели в таких же креслах и ждали мифического перехода. Ничего не происходило. С чего ты взял, что этот эволюционный скачок случится именно сейчас? Мы контролируем всё. Биометрию, банки, правительства. Чего тебе ещё надо?

Люциус сжал набалдашник трости так, что костяшки пальцев побелели. Взгляд на миг скользнул к рамке на столе.

— Твой отец погиб, защищая наши интересы от того, что ты высокомерно называешь сказками. Он отдал жизнь, чтобы ты мог и дальше сидеть в этом проклятом кресле!

Эдвард презрительно скривил губы, глядя на золотистую жидкость в стакане.

— Мой отец был глупцом. И погиб он в какой-то дыре именно потому, что фанатично верил во всю эту эзотерическую ересь. Гонялся за призраками вместо того, чтобы заниматься реальными активами. Я не собираюсь повторять его ошибок.

Люциус медленно повернулся. Трость гулко стукнула по полу.

— Потому что ты слеп в своей самоуверенности! — резко бросил старик. — Ты забыл о главном. С самого начала времён каждый человек на земле обладает скрытым потенциалом. Способностью чувствовать тоньше, видеть дальше, слышать то, что скрыто. Шишковидная железа. Эпифиз!

— Я читал семейные архивы, — усмехнулся внук, сделал глоток и продолжил издевательским тоном. — Декарт называл её «вместилищем души»... Железа в центре мозга... Когда-то она была огромной, а в последние тысячелетия совсем усохла... Вот именно! Усохла! Мы переросли это. Природа сама нас обезопасила.

Люциус подошёл ближе, нависнув над внуком.

— Обезопасила? А дети? С рождения их эпифиз размером со спелую вишню! Природа жестока и прагматична. В период взросления тело начинает бурно вырабатывать гормоны выживания, социальной агрессии и размножения. Да, этот орган уменьшается, обрастает солями кальция, каменеет. Становится бесполезным. Именно поэтому ни ты, ни я не помним ничего из того, что происходило с нами до шести лет!

Эдвард нахмурился, ставя стакан на стол.

— Чушь. Я прекрасно помню, как разбил коленку в три года у фонтана.

Старик сухо рассмеялся.

— Это обман твоего избалованного мозга. Ты помнишь фотографию и рассказы матери. Ты проецируешь их, выдавая за собственные воспоминания. Это сам эпифиз стирает память о себе. Стирает, потому что до шести лет мы можем гораздо больше. Мы не всемогущи, но уже обладаем некоторыми сверхспособностями.

— Классическая детская амнезия, — пренебрежительно бросил внук. — Дети просто дети, дед. Не делай из них богов. Мы потратили миллиарды на внедрение системы мгновенного определения аномалий, распознавания лиц и прочей ерунды. И зачем?! Кого мы ловим?

— Выйди на улицу и посмотри на них! — голос Люциуса сорвался на властный рык. — Ты замечал, как долго дети могут смотреть в пустой угол и улыбаться кому-то невидимому? Как они чувствуют фальшь в твоём голосе, даже если ты натянул улыбку? Как они влияют на настроение целой толпы? Это и есть те самые задатки сверхспособностей! Искры шестой расы. Мы утрачиваем их с возрастом.

Люциус отвернулся к окну. Пальцы на долю секунды коснулись рамки на столе — жест короткий, почти невидимый.

— Ты спрашиваешь, почему сейчас, Эдвард. Ответь мне: что, если первые представители этого нового человечества уже появились на земле? Что, если они прямо сейчас дышат с нами одним отравленным воздухом? Что, если родились дети, чей эпифиз не уснет, пройдя рубеж взросления, а раскроется на полную мощь?

Он повернул голову, и холод в глазах стал острее.

— Наши аналитики давно твердили одно и то же: природа не умеет ждать. Старые формы уступают новым не по героическим битвам, а потому что новые лучше приспособлены. Шестая раса не станет биться с нами в судах и парламентах. Она просто перерастёт систему, как однажды человек разумный перерос тех, кто был до него. Все, что мы имеем и чем управляем, — всё это перестанет иметь цену.

Люциус повысил голос совсем чуть-чуть, но кабинет будто сузился.

— Поэтому мы и встроили планету в клетку слежки. Поэтому каждый такой ребёнок — угроза нулевого уровня. Никаких лабораторий. Никаких переговоров. Найти. Уничтожить. Пока они не успели понять, что умеют.

Узкие улицы финансового квартала Нью-Йорка были заполнены потоками клерков в цветных респираторах. Они суетились, сновали от здания к зданию, обменивались бумажными документами и файлами через специальные устройства хранения.

Чуть в стороне жизнь текла совсем иначе. В сырой подворотне, пропахшей мочой и гнилой капустой, брел грузный белый мужчина в рваном пальто. Следом за ним, то и дело спотыкаясь, семенил шестилетний мальчишка. Худой, перепачканный сажей, с огромными впалыми глазами, в которых отражались стальные клинки небоскрёбов. В руках они волокли тяжёлые мешки с помойным уловом.

— Шевели ногами, кусок дерьма! — злобно прохрипел отец и больно дёрнул парня за рукав. — Копы скоро начнут зачистку, а нам ещё половину контейнеров облупливать. Жрать хочешь — иди быстрее, иначе сдохнешь на этой помойке!

Мальчик не заплакал. Он только сжал тонкие губы и прибавил шаг. Боль в плече отозвалась привычной тупой волной — почти знакомой, почти домашней. Он чувствовал ложь и пустоту, но принимал — так отец скрывал свою боль.

Дышать было тяжело, едкий воздух драл горло. И всё равно взгляд упрямо отрывался от земли и устремлялся вверх. Ему казалось, что там, за мутными тучами, обязательно должно быть чисто и тепло.

Вдруг откуда-то сверху камнем рухнула птица. Она со звонким хрустом ударилась о стекло высотки и упала прямо под ноги мальчику. Мёртвая. С неестественно вывернутой шеей. Одно крыло раскинулось, второе поджалось, будто птица всё ещё пыталась укрыться.

Мальчик замер. Он больше не слышал грубой брани отца. Гул мегаполиса исчез, словно кто-то выдернул шнур питания. Ребёнок медленно опустился на колени. Сначала просто посмотрел. Потом, не понимая зачем, протянул руки. Ладони дрожали, но легли на перья бережно, почти стыдливо — так, будто он боялся сделать больно даже мёртвому.

Птица была ещё теплой, но пустой. Под пальцами не билось ничего. Воздух вокруг будто сгустился, стал тяжёлым и звонким. Внутри головы щёлкнул невидимый рубильник.

Сначала пришёл жар. Не с улицы — из-под кожи, из запястий, из костей пальцев. Ладони покалывало, будто по ним пробежали тысячи тонких игл. В нос ударил знакомый чистый запах, как после грозы. Сердце загудело так громко, что мальчику показалось: оно стучит прямо в грудную клетку птицы.

Тепло ушло из его рук. Он сам стал легче и слабее, как будто что-то важное вытекало через кожу. Под ладонями шевельнулось первое крошечное изменение: кости хрустнули, будто кто-то осторожно складывал сломанную веточку обратно. Перья дрогнули. Остывшая кровь снова толкнулась по тонким сосудам. Птичий глаз, мутный секунду назад, наполнился жизнью.

Яркий голубой свет вспыхнул у мальчика перед глазами и погас.

Птица вздрогнула, слабо пискнула и ударила крыльями по его грязным пальцам. Мгновение — и она взмыла в серое небо.

Мальчик в ужасе отшатнулся и упал прямо в лужу. Ладони всё ещё слабо светились голубоватым. В горле пересохло. Он осознал это не разумом, а звериным чутьём: он только что вернул мёртвое к жизни.

Мальчик закричал, вскочил на ноги и бросился прочь по мрачному переулку.

Но цифровые глаза Нью-Йорка всё видели. Уличные сканеры мгновенно зафиксировали аномальный всплеск энергии. Красный маркер тревоги вспыхнул на закрытых экранах тех, кто привык считать эту планету своей собственностью.

В этот самый момент Люциус Вейл и его внук Эдвард, спорившие на сотом этаже, получили сигнал. Первое подтверждённое пробуждение. Смертельный механизм, дремавший десятилетиями, был запущен.

— Цель нулевого уровня. Живым не брать. Сектор локализовать, — глухо отчеканил в коммуникации командир штурмовой группы, когда бронефургоны уже резали лужи финансового квартала. — Биопрофиль совпал с архивной пробой из роддома. Мальчик. Один. Не дать уйти.

Они не обсуждали философию. Для людей Вейлов всё уже было решено раньше: новый вид не оставляют. Его стирают, пока он ещё ребёнок и ещё боится собственной силы.

На поиск точного места у системы и её хозяев ушло чуть больше получаса. Тяжёлые ботинки уже чеканили шаг к одному из тысяч заброшенных подвалов. Туда, где трясся от страха сбежавший мальчик. Тот самый, потерявший когда-то в стерильной палате мать — и обретший жизнь, которую теперь решили отнять.

Убежище бездомных находилось в старом кирпичном доме. Здесь пахло ржавчиной, дешёвым алкоголем и безнадёжностью. Мальчик забился в самый тёмный угол за нагромождением картонных коробок. Почти час он дрожал, обхватив колени руками, и старался дышать как можно тише.

Шаги раздались внезапно. Дверь подвала не скрипнула — её просто высадили одним мощным ударом. Внутрь скользнули две высокие фигуры в чёрных тактических костюмах. На их лицах мерцали зелёные огни тепловизоров.

Отец мальчика лежал на грязном матрасе. Он был мертвецки пьян. После смерти жены каждый его день завершался одинаково. Один из карателей подошёл к мужчине и брезгливо толкнул ботинком.

— Где пацан? — глухо прозвучал голос штурмовика сквозь респиратор.

Отец лишь невнятно замычал, пуская слюну и пытаясь отмахнуться. Каратель не стал повторять вопрос. Раздался тихий, сухой хлопок оружия с глушителем. Тело на матрасе дёрнулось и затихло навсегда.

Мальчик зажал рот ладонями, чтобы не закричать. Здесь, а не под ударами и руганью, слёзы наконец прорвались. Они обжигали грязные щёки. Отец был жестоким и пустым — но это всё равно был отец. Инстинкт выживания внутри кричал громче горя. Ребёнок скользнул в вентиляционную дыру за ящиками, протиснулся сквозь ржавую решётку и вывалился на тёмную, залитую дождём улицу.

Он бежал изо всех сил. Ноги скользили по мокрому асфальту. Сзади слышался лязг открываемой решётки. Его заметили. Охота началась.

Вдруг из-за угла с визгом шин вылетел чёрный внедорожник. Машина резко затормозила, отрезая путь. Водительская дверь распахнулась, сильная рука схватила ребёнка за куртку и рывком закинула в салон.

Мальчик начал отчаянно кусаться и бить кулаками. За рулём сидел крупный бородатый мужчина. Широкие мешковатые штаны, толстая золотая цепь, копна дредов. Типичный представитель криминального района — если не смотреть слишком внимательно. На зеркале заднего вида едва заметно покачивалась маленькая потемневшая иконка в металлическом окладе.

— Успокойся, парень! Убьют ведь, — рыкнул водитель, вдавливая педаль газа и придерживая мальчика одной рукой. Во внедорожнике мелькнул лёгкий чужой акцент, который человек, видно, привык прятать. — Не бойся меня. Я не из тех.

— Ты кто такой?! Пусти! — кричал мальчик.

— Я пришёл за тобой, — мужчина бросил быстрый, цепкий взгляд. — Я священник. Нам нужно убираться отсюда.

— Какой ещё священник? — недоверчиво фыркнул мальчик.

Мужчина отпустил его. Не глядя, открыл бардачок. Там, среди документов, всяких мелочей и потёртой обложки молитвослова, лежала помятая фотография. Он бросил её на колени ребёнку.

— Беру с собой, чтобы не забывать, кто я под этой маской, — коротко сказал он. — Ну и ты посмотришь.

На снимке был этот же человек. Только вместо дредов — длинные волосы, аккуратно стянутые в хвост. Вместо цепи — серебряный крест на строгой одежде. Позади него возвышались деревянные купола старого храма, укрытые снегом.

— Мы готовились к твоему появлению, пророчества не лгали, — продолжил мужчина. — Наши люди перехватывают те же сигналы, что и они, только мы отвечаем иначе. Слава Богу, мне вовремя сообщили. Я едва не опоздал. Если хочешь жить — доверься мне.

Мальчик посмотрел на фото, потом на спокойное, сосредоточенное лицо водителя. В груди стало теплее. Тот самый внутренний голос, который помог оживить птицу, сейчас подсказывал: этому можно верить. Но боль и страх не отпускали. В голове всё ещё крутились подвал, выстрел, отец, крылья, свет на ладонях.

Долгожданная тишина так и не наступила. Заднее стекло внедорожника разлетелось вдребезги. Салон наполнился холодным ветром и свистом пуль. Мальчик с криком рухнул на пол и закрыл голову руками. Из темноты переулка выскочили два чёрных бронированных фургона. Они шли на таран.

— Держись! — крикнул священник и резко крутанул руль.

Почти беззвучно, одними губами, он успел сорвать с языка короткое:

— Господи, помилуй...

Тяжёлая машина сорвалась в занос. Из-под колёс брызнули искры. Внедорожник вылетел на встречную. Началась сумасшедшая гонка. Улицы Нью-Йорка слились в серую линию. Дождь хлестал по лобовому стеклу. Чёрные фургоны не отставали. Из их окон высунулись стволы. Пули барабанили по кузову.

Священник жал на газ так, будто улицы были его приходом, а погоня — службой, которую нельзя сорвать. Внедорожник пронёсся сквозь узкую пешеходную. Мусорные контейнеры разлетались в щепки. Один фургон не вписался в поворот, врезался в кирпичную стену и вспыхнул оранжевым пламенем. Второй висел на хвосте.

Священник выхватил из-под сиденья пистолет. Не глядя, высунул руку в разбитое окно и дважды выстрелил. Покрышка лопнула. Фургон занесло, перевернуло, разметало по пере-

крёстку грудой металла. Священник тяжело выдохнул, бросил дымящийся пистолет на панель и крепче перехватил руль. Иконка на зеркале стукнулась о стекло и снова зависла.

Машина долго петляла, запутывая следы. Наконец они выехали к закрытому портовому терминалу. Внедорожник спрятали в ржавый ангар. Священник и мальчик быстро прыгнули на борт старого грузового корабля. Вскоре судно медленно отчалило от берегов Америки.

Океан мерно дышал, раскачивая старый сухогруз. В тускло освещённой каюте пахло мазутом. Мальчик сидел на узкой койке, кутаясь в колючее одеяло. Страх уступил место тягучей усталости.

— Куда мы плывём? — тихо спросил он.

Священник тяжело вздохнул, снимая с себя золотую цепь. Под ней на шее остался тонкий шнурок с маленьким крестом.

— В одно безопасное место, парень. Очень далеко отсюда, — ответил он низким, размеренным голосом, в котором теперь яснее проступал привычный склад речи. — Там большой дом. Вокруг густой лес. Плохие люди туда не доберутся.

Он пододвинул табуретку ближе к койке, отпил из металлической кружки и посмотрел мальчику прямо в глаза.

— Там живут мои друзья. Мы называем себя «Спасителями».

Мальчик тихонько хихикнул, шмыгнув носом.

— Да, звучит немного как в комиксах, — улыбнулся священник, разводя руками. — Уж прости, название придумали задолго до нас.

— А кто там? Тоже священники с пистолетами?

— Разные люди. Те, кто решил объединиться, чтобы защищать таких, как ты. Господь велит спасать души — и не позволять убивать невинных.

— От кого защищать? — голос мальчика дрогнул. — От тех людей?

— И от них тоже.

Мужчина подался вперёд. Лицо стало серьёзным, взгляд тёплым.

— То, что ты сделал с птицей... это чудо. Ты не плохой. Ты особенный. В тебе есть свет и сила, которая может лечить. Есть злые дяди, которые очень боятся таких светлых ребят, как ты. Боятся, что, когда вы вырастаете, им больше не удастся обижать людей. Поэтому они вас ищут. А мы ждали вас. Не один год и не в одном городе. Мы тебя в обиду не дадим.

Мальчик долго смотрел на бородатого гиганта, а потом робко улыбнулся.

— Я Лиам, — сказал он и протянул маленькую грязную ладошку.

— Я отец Даниил, — ответил священник на этот раз по-русски и, бережно пожав его руку, улыбнулся в ответ.

Сухогруз медленно разрезал тяжёлые волны Атлантики. В иллюминатор крошечной каюты бился холодный дождь, смывая остатки нью-йоркской копоты. Лиам, свернувшись калачиком, впервые за свою короткую жизнь уснул не только от изнеможения, но и чувствуя, что за спиной есть стена. Отец Даниил сидел рядом, вслушиваясь в мерный гул двигателей. Он достал из кармана старые деревянные чётки и тихо, почти беззвучно, зашевелил губами.

Где-то далеко позади, на вершине небоскрёба, аналитики семьи Вейлов уже разбирали первый провал, переписывали протоколы и будили спящие ячейки по всей планете. Охота перестала быть односторонней. И пока старый корабль упрямо шёл на восток, сквозь надвигающийся шторм, на другом конце света — в туманных предгорьях Китая, в сибирской тайге, в сердце Рильских гор Болгарии, в знойной африканской саванне и на раскалённых песках Эмиратов — просыпались другие искры. Эпифизы детей вспыхивали один за другим. Час шестой расы пробил. Война за будущее человечества началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.